

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.6.8>

Мещеряков Александр Юрьевич, Антропов Олег Константинович

Культурная гибридность и диаспора в контексте китайской и американской истории (на примере пространства Чайнатауна в США)

Статья посвящена вопросу культурной гибридности в китайском квартале США. Цель исследования - выявить один из вариантов культурной гибридности в истории США на примере пространства Чайнатауна. Научная новизна заключается в рассмотрении истории Чайнатауна в США с точки зрения постколониальной теории, которое ранее не проводилось в отечественной науке. Полученные результаты показали, что гибридное пространство Чайнатауна, расположенное "между" культурами и цивилизациями, удаленное от места первоначального проживания китайского этноса, сформировало его инаковость, идентичность его населения, новые культурные образования, трансформировало его в локус Другого/Чужого.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/6/8.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 6. С. 44-52. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Этнография, этнология и антропология

Ethnography, Ethnology and Anthropology

УДК 93/94; 394.014; 94; 325.1

Дата поступления рукописи: 17.04.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.6.8>

Статья посвящена вопросу культурной гибридности в китайском квартале США. Цель исследования – выявить один из вариантов культурной гибридности в истории США на примере пространства Чайнатауна. Научная новизна заключается в рассмотрении истории Чайнатауна в США с точки зрения постколониальной теории, которое ранее не проводилось в отечественной науке. Полученные результаты показали, что гибридное пространство Чайнатауна, расположенное «между» культурами и цивилизациями, удаленное от места первоначального проживания китайского этноса, сформировало его инаковость, идентичность его населения, новые культурные образования, трансформировало его в локус Другого/Чужого.

Ключевые слова и фразы: Чайнатаун; культурная гибридность; межкультурная коммуникация; Другой/Чужой; Китай; США; постколониализм; диаспора; хуацяо; иммиграция; гибридная идентичность; китайская кухня.

Мещеряков Александр Юрьевич

Антропов Олег Константинович, к. ист. н., доц.

Астраханский государственный университет

daomesheryakov@gmail.com; olegantropov1@gmail.com

Культурная гибридность и диаспора в контексте китайской и американской истории (на примере пространства Чайнатауна в США)

Актуальность данного исследования проявляется в том, что на сегодняшний день применение концепции культурной гибридности в изучении истории различных пространств представляет интерес, так как позволяет по-новому взглянуть на исторические процессы взаимодействия этносов в условиях урбанистического ландшафта. Использование понятия «культурная гибридность» (Cultural Hybridity) в данной статье не случайно, так как диаспора, анклав, этнополис в урбанистическом ландшафте города являются инаковым пространством – гибридным локусом. Полезность этого понятия значима для изучения истории в рамках межкультурной коммуникации (Cultural Encounters), так как оно позволяет по-новому взглянуть на историю и культуру обществ. В свою очередь, Cultural Encounters во всем своем многообразии проводит к пониманию исторического процесса и развития современного общества, несмотря на очевидное отсутствие точности в истории, открывает различные возможности для исследования. Чтобы разобраться с понятием и местом диаспоры в истории как части урбанистического ландшафта, необходимо начать с определения культурной гибридности. Это понятие вводится в научный оборот в 90-е гг. XX века исследователями постколониальной теории, которые пытались осмыслить происходящие культурные процессы в Новое и Новейшее время в разных местах мира.

Задачами данного исследования являются: проанализировать формирование культурной гибридности в условиях нового пространства в Чайнатауне США; рассмотреть межкультурную коммуникацию китайцев и американцев в городах США; рассмотреть гибридные пространства или пространства «между» (“in-between”) в условиях урбанистического ландшафта. Специфика данного вопроса определяет широкий перечень принципов и *методов*. В исследовании применяется метод исторической компаративистики, используются принципы культурной антропологии, которые позволили проанализировать процесс культурной гибридности в Чайнатауне США.

Теоретическая база предлагаемого исследования опирается на широкий спектр научной литературы, примыкая к многочисленным обсуждениям по различным вопросам Новой и Новейшей истории США и Китая. Концепция культурной гибридности представлена в работах теоретиков постколониальной истории

П. Бёрка и Р. Янга. *Практическая значимость* исследования состоит в том, что изучение культурной гибридности в различных пространствах в разные исторические периоды необходимо, так как гибридизация культуры продолжает активно функционировать в современном мире.

Истинность в истории зависит от того, как посмотреть на тот или иной исторический процесс. Американский режиссер Джон М. Чу снял фильм-сиквел «Иллюзия обмана» (2016) про лучших иллюзионистов, включив различные культуры и народы мира в единое гибридное пространство городов: Нью-Йорк – Макао (Аомэнь) – Лондона. В данном пространстве все зависит от того, как посмотреть на то или иное явление, где всегда есть больше, чем видит глаз, где есть место необъяснимости, магии, волшебству, где дурак может стать кем угодно. В постоянной череде фокусов, иллюзии и волшебства разворачивается своеобразная межкультурная коммуникация китайцев, американцев, англичан и афроамериканцев. Китайцы, владеющие старейшим магазином фокусов, раскрываются в образе помощников иллюзионистов – американцев, действующих как единый организм. Морган Фриман в роли разоблачителя – циничного реалиста-афроамериканца – показан, с одной стороны, в маске врага, призванного разоблачить талантливых иллюзионистов, с другой стороны, он друг, который хочет отплатить той же монетой. Англичане, в свою очередь, выступают в образе лживых, корыстных злодеев, остающихся в тени. Минувшие исторические процессы оставляют след в истории, напрямую влияя на межкультурную коммуникацию этих народов в современное время. Финальная сцена неслучайно показана в Гринвичской королевской обсерватории, расположенной в Лондоне на холме Гринвичского парка. Британский исследователь постколониальной теории Роберт Янг называет данную точку (нулевой меридиан) местом, где происходит смешивание культур: Запад и Восток [30, р. 1-2]. В городском культурном ландшафте данное пространство является гибридным. Заметим, что именно американцу азиатского происхождения Джону М. Чу удалось так уникально отразить гибридное пространство в своем фильме.

Британский историк культуры Питер Бёрк анализирует культурную гибридность как явление в контексте культурного обмена. «В истории процесс культурной гибридизации в определенных периодах и пространствах проходил где-то сильнее или быстрее, а где-то медленнее». По его мнению, культурной гибридностью можно назвать новые культурные пространства, явления, факторы, свойства, которые возникли вследствие культурного столкновения двух или более культур [14, р. 28]. Всякая инновация в культуре является адаптацией этноса, следовательно, культурные столкновения способствуют творчеству. Культурный обмен – это не просто культурное обогащение [15, р. 6].

Хоми Бхабха определяет гибридность как проблему колониальных представлений. По его мнению, культурная гибридность – это инструмент сопротивления, попытка встроиться в колониальную систему [13, р. 56].

Роберт Янг рассматривает использование понятия гибридности в период увеличения миграции и образования в Европе смешанных браков между представителями народов Востока и Запада. Он предполагает, что человеческая раса является гибридной и что понятие «гибридность» может служить в качестве «универсального описания культуры». Роберт Янг анализирует культурную гибридность на историческом фоне: «Обе модели культурного взаимодействия, языка и пола, сливаются в единый продукт, который характеризуется термином – гибридность» [30, р. 5]. Он упоминает процесс культурной «диаспоризации», который означает преднамеренную культурную гибридизацию, процесс объединения, а также диалогизацию этносов и культурных различий [Ibidem, р. 23].

Российский историк С. Н. Якушенков отмечает, что культурная гибридность возникает в таких зонах, где на протяжении долгого времени осуществляются расовые, языковые, религиозные и прочие культурные контакты [5, с. 420]. Если рассматривать культурную гибридность в рамках культурной коммуникации, то следует определять гибридность как иную транскультурную форму, которая возникает вследствие кросс-культурного диалога. Отметим, что культурная гибридность формировалась в различных пространствах на протяжении большей истории человечества.

Одно из гибридных мест в истории, вызывающих большой интерес общественности и ученых, – это «китайский квартал» / «Чайнатаун» (Chinatown), пространство особых исторических обстоятельств в отдельных городах Америки. Китайцы локализовались по всему миру и по-разному адаптировались этнически и культурно. Мировой кинематограф изображает китайский квартал экзотичным и таинственным местом, заполненным гангстерами, а иногда как золотое гетто, этнополис, культурную диаспору, а также как модель общества. В научном дискурсе «китайский квартал» североамериканские специалисты считают сегрегированным обществом с жилыми и коммерческими районами. Другие считают китайский квартал туристическим центром с символами китайской культуры. Некоторые используют термин «этнополис, община, диаспора, анклав» для обозначения китайского квартала как городского этнического сообщества китайцев с социальными и экономическими ресурсами. Жителями китайского квартала используются термины *хуабу* (*huabu* – 华埠) или *танжень узие* (*tangren jie* – 唐人街) [12, р. 1-2]. Таким образом, термин «китайский квартал» во всеобщем смысловом понимании – это различные виды концентрации китайского этноса в городском ландшафте разных городов мира. При этом существует много всевозможных типов китайских кварталов, в зависимости от конкретной местности. В различных регионах мира межкультурная коммуникация китайцев с коренным населением городов отличается, тем самым межкультурный диалог следует изучать детально, учитывая особенности истории и культуры этносов в условиях урбанистического ландшафта.

С уверенностью можно говорить, что китайские кварталы в городах США представляют собой идеальные места для изучения межкультурной коммуникации, так как для многих североамериканских городов

одна функция сохранилась на протяжении более чем полутора столетий – города являются воротами иммиграции в страну. Тенденция к расселению этническими кварталами преобладала в течение полувека активной иммиграции в США [1, с. 11-12]. Этническая и расовая пестрота населения городов США предопределяет культурный диалог их жителей, а миграционные процессы оказывают влияние на социокультурные, экономические, духовно-конфессиональные, гендерные и прочие процессы.

Мы будем прибегать к использованию методологических наработок российской, британской и американской науки: постколониальная теория для анализа процессов культурной коммуникации; применение методов городской антропологии; изучение образа Чужого/Другого (Cultural Encounter); использование понятия культурной гибридности, которое поможет понять генезис межкультурной коммуникации в рамках пространства китайского квартала, его исторического развития и формирования идентичности населения. При анализе межкультурного диалога китайцев и американцев нами учтены история и культура китайского квартала.

Значительная китайская иммиграция начинается в 1848 г. частично в результате золотой лихорадки в штате Калифорния. Американские исследователи разработали «гипотезу временного жителя». Эта гипотеза предполагает, что ранние китайские иммигранты в Америке являлись «поселенцами», которые намеревались заработать и скопить деньги, а затем вернуться в свои родные деревни для лучшей жизни в Поднебесной [29, р. 122-124].

Провозглашение Китайской Народной Республики в 1949 г. – событие в истории Китая, открывшее возможность культурному многообразию, в соответствии с которым китайское меньшинство получает равные права во многих странах мира, становится мобильным, появляются разные формы идентичности, которые имели разную степень близости к китайской культуре. В 1949 г. начинается массовая иммиграция китайских рабочих в Америку, а также Австралию, Африку, на юго-восток Азии. Причиной массовой иммиграции послужила нехватка рабочей силы в данных регионах; экономическое давление в Китае было слишком сильным; нищета и перенаселенность очень велики; убытки возникали в результате войны и стихийных бедствий. Заморские экономические возможности были известны китайцам в XX веке, особенно в прибрежных районах Фуцзянь и Гуандун. Вследствие этого многие китайцы были вынуждены искать работу в другом месте, оставляя Родину [11, р. 292].

Поездка, открывшая прямые связи между США и Китаем, произошла 22 февраля 1784 г., когда американский корабль «Императрица Китая» отплыл из гавани Нью-Йорка в Китай, заполненный испанскими серебряными монетами и 57687 фунтами женьшеня, востребованного лекарственного клубня в Китае. Корабль вернулся в Нью-Йорк через 15 месяцев с грузом – фарфором, шелком, чаем и предметами роскоши, сблизив продавцов портовых городов Нью-Йорка и Гуанчжоу (Кантон). Первые китайские иммигранты в США появляются в начале 1800-х гг. Это были моряки, повара, стюарды и торговцы [22, р. 37-38]. Китайский квартал зародился в урбанистическом ландшафте как квартал одиноких мужчин-иммигрантов, организованный по социальной структуре традиционной деревни Южного Китая [19]. С данного момента начинает формироваться пространство «между» (“in-between”) – гибридное пространство, с одной стороны, пространство взаимопонимания, с другой – агрессии, негативного отношения к Другому/Чужому, вытеснения его за рамки естественного.

Жизнь китайских иммигрантов в США – динамический процесс в американской истории и культуре, меняющийся от временного пребывания до поселения. Этот процесс связан с транснационализмом в ответ на постоянно меняющуюся глобализацию, условия гибридного пространства, особенности культуры иммигрантов и изменение отношения к Другому/Чужому.

Уточним, что китайцы не были единственной азиатской этнической группой в США. Азиаты стали появляться в Америке с XVI века, и первыми в этом плане были филиппинцы. Не стоит забывать, что сам по себе термин «азиат» расплывчат как более толерантная версия термина “Oriental”, он включает в себя китайцев, японцев, тайцев, филиппинцев, корейцев и мн. др. этносы [10].

К началу XX века всеобщим термином, обозначающим китайцев за рубежом, становится слово *хуацяо* (*huaqiao* – 海外华人). Данный термин символизирует позитивный оттенок «китайцев за рубежом» в качестве рьяных патриотов и верных сторонников Китая, проживающих в зарубежных странах с желанием и намерением вернуться в Китай [25, р. 16-17]. Хуацяо не использовали и не принимали термин «диаспора» по отношению к своей общине в США. Китайцы старались идентифицировать себя как китайская нация, а не американская, а также не воспринимали рассеивание китайской общины без чувства принадлежности к Китаю [18]. Термин «хуацяо» несет историческую значимость в изучении идентичности китайцев за рубежом.

Китайцы, селившиеся на западном побережье США, использовались как дешевая рабочая сила – труд применялся для строительства железных дорог, работы в шахтах, прачечных и бытового обслуживания. Впоследствии они расселились практически по всей территории Соединенных Штатов, но наибольшее число «хуацяо» живет по-прежнему в штате Калифорния, в городе Сан-Франциско. Китайский квартал как диаспора внутри Сан-Франциско – это родина китайской Америки. Значительные китайские кварталы также возникли в Лос-Анджелесе, Чикаго, Бостоне, Ванкувере и Нью-Йорке. Обособление китайцев на территории Соединенных Штатов привело к образованию китайских кварталов – Чайнатаунов, после завершения золотой лихорадки и строительства железных дорог [3, с. 96-98]. Расовая дискриминация, экономическая неподвижность и культурная маргинализация сделали чрезвычайно трудной жизнь китайских иммигрантов за пределами китайских кварталов. В рамках изучения культурной коммуникации причины формирования закрытого общества – это страх перед Другим/Чужим, страх перед иным непознанным миром,

неизвестной землей, чужеродной цивилизацией, где Другой/Чужой воспринимается как враг. Новый урбанизм нередко был связан с идеями новых территорий, т.е. новой урбанистической среды, созданной на новом пространстве [6, с. 265]: это локус, где основные законы изначального пространства – Китая – перестают действовать и китайский этнос оказывается в новой культурной среде, где действуют иные законы и иные экзистенциальные нормы. В этом пространстве происходит формирование инаковости, т.е. это локус, в котором субъект во многом перестраивается под новые условия жизни, пытаясь получить от них максимальную выгоду, ведь именно из-за нее он и отправляется за тридевять земель, в надежде на новую жизнь. Правда, в отдельных случаях он оказывается не субъектом этого перемещения, а объектом, которого принуждают к новым правилам жизни в новых территориальных границах [9, с. 5-6].

С 1870-х гг. по период рестрикции (ограничения иммиграции), начавшийся в 1920-е гг., сформировались типичные центры крупных североамериканских городов: Нью-Йорк, Чикаго, Бостона, Детройта, Ванкувера – с их этическим многообразием. Церкви, школы, магазины, рестораны, гостиницы – все имело этнокультурную специфику. Высокая концентрация иммигрантов одной национальности в городах, их расселение национальными кварталами способствовали этническому сплочению [1, с. 14].

Чайнатаун предоставляет своим жителям и новоприбывшим китайским иммигрантам «зону комфорта» – безопасность, культурную, языковую и религиозную поддержку через общественные организации. Китайский квартал отличается от других диаспор размером, объемом и разнообразием культур: имеет различную форму храмов; различные кулинарные традиции из материковой части Китая, Тайваня, Гонконга и этнических китайцев из Сингапура, Филиппин, Таиланда, Вьетнама и Кореи; разные языки; прокоммунистические и националистические политические организации. Это – этнический мультикультурализм в его динамической сложности [23, р. 29-31].

С первых годов своего поселения на новой родине почти каждая этническая группа почувствовала на себе проявление американского шовинизма, ксенофобии, этноцентризма, национализма и дискриминации как результата встречи с Чужим, которая связана с неприятием культуры другого этноса, китайский этнос этому не исключение. Разница в менталитетах и культурных представлениях сформировала оппозицию Свой – Чужой. Формирование китайских диаспор сильно затруднило межкультурную коммуникацию китайцев с американцами. Китайцы переживали «культурный шок», пытаясь воспринять культуру, отличающуюся от их собственной. Хуацяо в конфессиональном, этнокультурном, лингвистическом отношении сильно отличались от местного населения и воспринимались как чужаки. Чужой экстраординарен, т.е. не соответствует привычному взгляду на человека. Он выглядит по-особому, говорит на незнакомом языке, его одежда, привычки и обычаи – все вызывает недоумение и настороженность. Это – инаковость, т.е. вынесение за пределы норм. Вследствие межкультурной коммуникации начинается активный процесс ксероморфизма – процесс формирования тела Чужого как страшного, опасного, угрожающего собственному миру или как неприятного, недостойного, отталкивающего. Данный процесс основывается на алиментарных, вестиментарных и сексуальных предпочтениях этноса [7, с. 194].

Начиная с 1848 г., когда около Сан-Франциско были обнаружены залежи золота и на поиски туда отправлялись десятки тысяч искателей богатства, между золотоискателями-американцами и многочисленными иностранцами возникает четкий расово-этнический антагонизм. Иммигрантам не позволяли приобретать землю, их называли обидными и презрительными кличками и прозвищами – одним из многих этнофолизмов в отношении китайцев служило слово – «чинкс» (chinks). Учитывая, что население «чинкс» росло быстрыми темпами, американцы характеризовали китайскую, а также и японскую иммиграцию как «желтую угрозу» (yellow peril), имевшую особую остроту в Чайнатауне Сан-Франциско [17, р. 44]. «Желтая опасность» воспринимается как Чужое – вторгающееся, раздражающее, атакующее, заполняющее, вытесняющее, причиняющая сила. В случае американцев встреча с Другим/Чужим происходила на своей территории. Она не являлась результатом военного вторжения. Чужой или Другой постепенно иммигрирует и интегрируется в принимающее общество. В истории американского общества активизируется страх перед новым Чужим, который маркирует ситуацию опасности. Фигура Чужого (китайский этнос и его иная культура) становится одним из символов риска американского общества, так как Чужой покушается на пространство – географическое и социокультурное.

Отрицательное отношение белого населения города к представителям разных этнических групп было основано на прочно осевших в сознании средних американцев предрассудках. По мнению большинства жителей Сан-Франциско, китайцы были курильщиками опиума, развратниками и обвинялись в подобию страсти и лести, также их характеризовали как трудолюбивых, миролюбивых и исполнительных людей. Афроамериканцы описывали китайцев как развратных, аморальных и вшивых, с лицами, не выражающими ничего, кроме глупости, и одновременно утверждали свое собственное превосходство над другими этносами [1, с. 15].

Российский философ О. С. Якушенкова в своей работе [10] указывает, что стремление отгородиться от Чужого приводит к принятию особых законов, ограничивающих права иных этнических групп, на территории принимающей стороны, что должно было, по мнению принимающих подобные законы, препятствовать активной экспансии. К таким законам, ограничивающим права китайцев в США, относятся «Закон о натурализации» 1790 г., позволивший получать гражданство только белому населению с «должными моральными качествами», «Акт об исключении китайцев» (1882-1943 гг.), лишивший их права претендовать на американское гражданство, причем это первый правовой акт, который дискриминировал по этническому

принципу, а не по расовому [Там же, с. 211]. Следствием этого стало быстрое снижение китайского населения в Америке, хотя данный правовой акт не ограничил въезд китайских студентов и ученых.

Помимо федеральных, местные муниципальные постановления и законы отдельных штатов на Тихоокеанском побережье были направлены на дискриминацию иммигрантов-азиатов, и среди части белого населения получают широкое распространение антиазиатские настроения в основном против китайцев и японцев [1, с. 13]. В 1905 г. в Калифорнии был принят закон, запрещающий браки между белыми и азиатами, далее были приняты законы о расовой сегрегации при получении образования и «Закон об исключении азиатов» (1924), делавший невозможным получение гражданства теперь уже всем азиатам. Китайские женщины стали мишенью для дискриминирующего законодательства в 1866 г., когда штат Калифорния принял «Закон о борьбе с китайскими домами дурной славы». Данный закон объявил китайскую проституцию как неприятность в обществе. Сотрудники иммиграционной службы, ссылаясь на данный закон, фактически лишили возможности иммиграции на территорию США почти всех китайских женщин, классифицируя их как проституток. Китайские проститутки характеризовались как мощный инструмент для обесценивания мужской нравственности, здоровья, морали и семейной жизни [28, р. 477]. На сегодняшний день азиатки в кино представлены как чрезвычайно сексуальные женщины, так называемый стереотип “china doll” – китайские куклы, “the Lotus Blossom” – цветение лотоса, “dragon ladies” – леди-драконы, соблазнительницы, способные погубить многих мужчин [10, с. 212]. Из вышеприведенного мы можем смело говорить, что секс и Чужой – это две взаимосвязанные темы. Сексуальная идентичность Чужого актуальна в развитии истории и культуры китайского квартала, а также городской культуры в целом. Городской мир менялся вместе с сексом.

В 60-80-е гг. XIX века особую популярность приобретает стереотип Model Minority (идеальное меньшинство), согласно которому американцы азиатского происхождения представляют собой наиболее успешное в социально-экономическом плане меньшинство в США [Там же, с. 211]. В 1870-е гг., когда Америку затронула Долгая депрессия – атмосфера потерянности, упадка, безысходности, отношение к китайцам в американском обществе резко ухудшилось, особенно в районах Чайнатаунов, по причине того, что начались массовая безработица и беспощадная конкуренция за рабочие места, многие из претендентов на эти рабочие места были китайцами. К концу 1870 г. на рабочее место двоих белых приходился один китаец [16, р. 199]. В период кризисной ситуации отрицательное отношение к Другому усиливается. В истории складывается следующее правило – чем больше людей чувствуют себя неуверенными в собственном благополучии, тем более вероятно, что они будут вычеркивать Другого из своего пространства, своей территории.

Эта встреча с Чужим приводит в конечном итоге к появлению целого ряда фантазмагорических сюжетов и персонажей [4, с. 94]. В ответ на приток китайских иммигрантов подобные литературные, театральные и музыкальные произведения стали регулярно появляться в конце XIX – XX веке.

Брет Гарт совместно с Марком Твенном поставили пьесу “Ah Sin” (1877), основанную на стихотворении “The Heathen Chinees” (1870). Белый актер, изображающий слугу Ah Sin, действовал в пьесе как воплощение неполноценности и разницы, иллюстрируя физические черты, наряд, расу, религию, культуру, язык, политику и этику. Ah Син изображен с желтым лицом, в костюме китайского рабочего, говорящего на ломаном английском языке. В итоге оба произведения – “Ah Sin” и “The Heathen Chinees” – стали известными этнофашизмами для принижения китайцев в течение многих десятилетий [20, р. 124-125]. Практика изображения представителя иной этнической группы на сцене или в кино белым актером получила название “whitewashing” (отбеливание) [10, с. 211].

Написанная в 1906 г. песня Уильямом Джеромом и Джоном Шварцем «Чайнатаун, мой китайский квартал» сформировала образный дискурс об Азии и азиатской Америке. При тщательном рассмотрении это музыкальное произведение содержит набор культурных установок, показывающих развитие китайской диаспоры в Америке. Песня изображает образ китайского квартала в США: “Chinatown, my Chinatown, / Where the lights are low, / Hearts that know no other land, / Drifting to and fro, / Dreamy, dreamy Chinatown, / Almond eyes of brown, / Hearts seem light and life seems bright / In dreamy Chinatown” [20, р. 124].

Все это результат встречи с Другим/Чужим, который испытали многие американцы, оказавшись свидетелями строительства нового небольшого чудесного и экзотического мира в городах США. В 1915 г. Джером и Шварц вернулись к теме китайцев в Америке и написали продолжение музыкального произведения под названием «В Блинки, Винки, Чинки Чайнатаун» [Ibidem, р. 154].

Жизнь китайцев за рубежом особо отразилась в американском кинематографе, в котором китайский этнос принимает особый стиль. Начиная с 1930-х гг. Голливуд выпустил серию фильмов по сюжету книг Сакса Ромера, с участием китайского злодея Фу Манчу. Среди этих фильмов можно упомянуть такие, как «Маска Фу Манчу» (1932), «Мечь Фу Манчу» (1932), «Лицо Фу Манчу» (1965), «Невесты Фу Манчу» (1966) и др. Фу Манчу – криминальный гений, наделенный талантами и сверхъестественными силами, некий маргинал, представитель гаремной культуры, он угрожает женщинам, агрессивен по отношению к ним. Образ Фу Манчу сформировался под влиянием новой культурной ситуации в США, одновременно оказал влияние на эту культуру. Фу Манчу в любом случае является злодеем, его образ проистекает именно из его инаковости, оказывающей влияние на американскую культуру.

Также были сняты десятки фильмов в китайских кварталах городов США и в районе Лаймхаус – первого Чайнатауна в Лондоне. Самые популярные произведения пересекали не только жанровые границы, но и Атлантический океан. Девид Гриффит использовал короткий рассказ британского писателя Томаса

Берка “The Chink and the Child” (1917) в качестве основы для своего популярного немого голливудского фильма “Broken Blossoms” (1919) и породил композицию “Limehouse Nights” (1920) с музыкой Джорджа Гершвина. Подобная китайская тематика песни стала регулярным атрибутом на “Tin Pan Alley” (улица жестяных сковородок/кастрюль), также эта музыка преобразовывалась в карикатуры на китайском языке, опирающиеся на китайскую «языческую» инаковость, странный внешний вид, чужеродные обряды и загадочные обычаи [Ibidem, p. 160].

Встреча с Чужим в условиях культурной гибридности очень ярко проявляется в фильме «Американские приключения / Однажды в Китае и Америке» (1997). Картина режиссера Саммо Хуна находится «между» разными культурами, демонстрирует культурную коммуникацию китайцев, индейцев и американцев на территории американского фронта – Дикого Запада. Американцы идентифицируют китайцев как «сброд», людей второго сорта, считают чужаками, которые нарушают общепринятые правила поведения, им воспрещается посещать общественные места, например, такие, как бар, запрещается выход к реке. Образ китайца формируется из человека, оторванного от своей «родины», лишённого родственных связей, находящегося в новых враждебных и непривычных местах обитания. Вновь прибывшие китайцы знакомятся с алиментарными предпочтениями американцев, противятся еде, состоящей в основном из бобовых культур. Индейское племя принимает китайца, попавшего в беду, а он со временем идентифицирует себя как часть племени, осваивает индейскую культуру, его привлекает индейская женщина, и он забывает не только про свою культуру, но и свою женщину. В свою очередь, американцев влечет китайская женщина, так как на протяжении истории Восток привлекает западного человека как пространство эротической свободы и вседозволенности. Символическим завершением фильма является создание Чайнатауна на Диком Западе.

Хотелось бы заметить, что культурная гибридность продолжает отражаться в массовой культуре США. Это направление получило дальнейшее развитие, отразив культурную гибридность в фильмах с талантливым актером Джеки Чаном – «Шанхайский полдень» (2000), «Шанхайские рыцари» (2003), «Час пик» (1998, 2001, 2007), «Кто я?» (1998) и мн. др. В фильмах главный герой – культурный гибрид, находящийся «между» различными культурами. Именно таковым предстает перед нами гонко-китайско-американский актер Джеки Чан, отражающий культурную гибридность, образовавшуюся в течение многих лет жизни китайцев за рубежом. В фильмах начала XXI века китайцы перестают рассматриваться как низшие, но они остаются другими, иными, чем белые. Отношение к Другому/Чужому претерпевает изменение в американской истории. Чужой так и остается Чужим, но он теперь уже не является плохим, он Другой. Именно то, что он Другой, существующий в гибридном пространстве, и делает его таким интересным не только для американского общества, но и всей мировой общественности.

Хотя большое количество произведений XX века, наполненных стереотипами о китайском этносе – Другом/Чужом, прочно вошли в массовую культуру. В результате Чайнатаун стал обозначаться как «воплощение экзотического Востока», то, что является «неамериканским» [Ibidem, p. 170]. Написанная за год до премьеры песни на Бродвее «Чайнатаун, мой китайский квартал» (1910) статья в журнале “Munsey’s” отражает представления американцев о Чайнатауне в Нью-Йорке: «Но лампочки не светят ярко. Синеватый дымок обволакивает их. То же самое происходит везде в китайском квартале. Его огни, как его жизнь, следует рассматривать через эту дымку китайских благовоний, опиума и гибельно вредного их жирного китайского рагу. Также вызывает отвращение доминирующий запах арахиса и запах опиума» [Цит. по: Ibidem, p. 121].

Авторы, с одной стороны, представляют публике художественный вымысел, но с другой – рисуют реалистичную картину жизни китайцев за рубежом и результат встречи с Чужим, вследствие чего Другой/Чужой, его жизнь, его территория, его происхождение становятся объектом народного внимания. В этом разнообразии и смешении сюжетов прослеживается, что интерес к Другому/Чужому, страх перед ним, готовность найти с ним компромисс свидетельствуют об определенной зрелости американского общества.

Начиная с 1972 г. президент США Ричард Никсон, посетивший Китай с официальным визитом, способствовал началу изменения отношения американцев к китайскому этносу, не только во внешней политике, но и внутри страны. Визит Никсона в Китай сформировал новое понимание о китайском квартале, повысив его статус в американском сознании. Китай из врага, в некотором смысле, стал превращаться в нейтральный субъект, который нельзя четко охарактеризовать. Вслед за визитом Никсона туризм (как форма познания Другого/Чужого) в 1970-е гг. обеспечил экономический подъем в Китае и китайских кварталах США [23, p. 40-41].

В начале XXI века Чайнатаун Манхэттена существует в американском народном сознании как одна из главных достопримечательностей города, которая стоит в одном ряду с Маленькой Италией, Эмпайр-стейт-билдинг, Уолл-Стрит, Статуей Свободы. Название «Чайнатаун» вызывает в сознании людей образы переполненных и узких улиц с аутентичной китайской архитектурой, улочек с разноцветными китайскими иероглифами, рыбными и овощными рынками на обочине дорог, а также улиц с различными азиатскими ресторанами, где жареные утки висят за стеклянными окнами [22, p. 35]. В 1998 г. американцы приобретали недвижимость рядом с китайским кварталом по одной главной причине – из-за привлекательности его «культурной жизни». Чайнатаун во многих городах США преобразовался из отдельной изолированной этнической окрестности в экономический, культурный и туристический центр [21, p. 10-12]. На сегодняшний день Чайнатаун сформировался как торгово-культурный центр, где осуществляется коммерческая деятельность и происходит постоянное привлечение туристов со всего мира. Чайнатаун – это глобальная точка, где линии культурной коммуникации пересекаются, это место, где происходит смешивание с инаковостью: Востока и Запада.

Гибридная идентичность. Китайский квартал – это смешанная окрестность, где проживают не только китайцы. Чайнатаун имеет пестрый расовый или этнический состав. Согласно переписи населения за 1960 г., в Чайнатауне Нью-Йорка проживало 6656 жителей, из которых 61,4% были китайцы, 36,8% – белые, 1,6% – афроамериканцы, и 0,2% – другие этнические группы [31, р. 330]. Культурная идентичность иммигрантов на чужой территории в любом случае изменяется, трансформируется и превращается в иную идентичность – назовем ее «гибридной идентичностью».

Эта история о сложном культурном взаимодействии и разнообразном смешивании народов, происходящая в повседневной жизни китайских кварталов в городах США, привела к поиску новой идентичности. Можно смело сказать, что сформировался целый «спектр этнической идентичности» или «множественной идентичности» среди китайцев, где можно встретить и гибридную идентичность. Французский антрополог Ж. Л. Анселл определяет такое состояние через термин «множественной принадлежности», при которой субъект может одновременно принадлежать к различным, порой диаметрально противоположным группам [Цит. по: 5, с. 421].

Само понятие «самоидентификация» означает попытки определить свое место в мире, доказать самим себе свое исключительное право на существование. Французский философ П. Рикёр в своей книге «Самость и инаковость» пишет, что самость (*self*), т.е. наша сущность (идентичность – *same, identity*), «обнаруживает себя в контексте сравнения; ее противоположностями являются Другой, противоположный, различный, непохожий, неравный, обратный». Но наша самость есть еще и наше право быть другим [Цит. по: 2, с. 37].

Сложилась внутренняя разница между китайцами-американцами. Некоторые называют себя «настоящими китайцами», некоторые из них в пользу наличия гибридной идентичности могут идентифицировать себя как китайско-американские личности или американцы азиатского происхождения, Тайвань-американцы или Гонконг-американцы и др. [11, р. 290]. Новая идентичность отличается от прежней, начальной, она не зависит от Китая или Америки, она зависит от культуры, которая сформировалась в результате межкультурного диалога китайцев и американцев. Границы идентичности в данном случае пересекаются, происходит смешивание культур, где возникает сложная проблема выбора принадлежности к культуре, этносу, стране и др. – формируется состояние культурной гибридности. Эта удивительная гибридность китайских иммигрантов является результатом встречи с Чужим и пересечением с его культурой, определяется как универсальное явление в меняющемся мире.

Алиментарная культура отражает процессы этнической, гендерной, социальной идентичности. Гибридное пространство Чайнатауна включает в себя невероятное разнообразие гастрономии со всего мира. В данном случае еда выступает не только маркером восприятия Чужого [7, с. 192]. Продукты питания и городская культура неразрывно связаны между собой, еда играет решающую роль в развитии городской культуры [26, р. 394-395]. В 1968 г. в Чайнатауне Сан-Франциско был только один китайский ресторан, один продуктовый магазин и гастроном. Сегодня китайский квартал включает в себя ряд этнических ресторанов, закусочных, баров, лавок: китайских, вьетнамских, корейских, японских, русских, американских и др. [24, р. 45].

Первый зарегистрированный китайский ресторан был открыт в 1849 г. в Сан-Франциско под названием «Macao and Woosung». Китайские рестораны появлялись в городах с развитой горнодобывающей промышленностью вдоль западного побережья. Белое население являлось для владельцев ресторанов ценным источником дохода, но при этом американцы характеризовали китайскую еду как отвратительную. Вследствие этого китайские повара создали китайско-американское меню, которое продавалось среди белого и китайского населения, тем самым вписав новую гастрономию в систему американской культуры. Исторические условия открыли границы для формирования нового китайско-американского меню – системы культурных кодов в кулинарном мире. К началу 1970-х гг. главные американские города были в самом эпицентре формирования новой китайской кулинарии благодаря квалифицированным поварам из провинций Хунань, Сычуань, Гуанчжоу и др. [27, р. 81-83]. Интересная трансформация в США произошла с китайским блюдом *chop suey* – китайское рагу. Китайский повар из-за отсутствия подходящих продуктов приготовил требовательным и шумным посетителям – белым американцам блюдо (рагу) из остатков продуктов, смешав все, что у него было, и пережарив это на сковороде. Так 杂碎 (кит. «разные остатки, объекты») превратилось в популярное блюдо американской кухни [8, с. 250]. Говоря конкретнее, американцы расширили за счет китайской гастрономии – Другого/Чужого – свои пищевые запасы и алиментарную культуру, хоть и отрицательно относились к китайцам и боялись их наплыва. Принцип «иммигранты кормят Америку» складывался на протяжении всей истории США и продолжает существовать сегодня. На данный момент в США сформировались четыре ведущих тренда в еде: китайская, итальянская, латиноамериканская и французская кухни.

Многие блюда, ассоциирующиеся с азиатской кухней, появились при содействии западной гастрономии. В качестве примера можно привести роллы «Калифорния», «Колумбия», «Филадельфия», которые не имеют к японской кухне никакого отношения, поскольку были созданы с ориентировкой на вкусы местного населения. К началу 1990-х гг. практически каждый американский город имел ресторан с японской кухней, бум на которую совпал с интересом к «здоровой пище» в противовес фастфуду. Большинство таких заведений принадлежало не японцам, а китайцам, использующим лейбл «японская кухня» для повышения продаж. Это оказало прямое влияние на гастрономию американского общества, в результате чего появились японско-китайско-американские – гибридные блюда, которые не подходят под стандарт какой-либо кухни [10, с. 212].

Выводы. На основании описанных выше исторических и культурных процессов можно говорить, что культурная гибридность формируется в результате активного межкультурного диалога, смешивания рас, пересечения культур (Cross-Cultural Encounters), постоянного изменения отношения к Другому/Чужому.

Гибридное пространство Чайнатауна, расположенное «между» культурами и цивилизациями, удаленное от места первоначального проживания китайского этноса, сформировало его инаковость, идентичность его населения, новые культурные образования, трансформировало его в место Другого/Чужого.

Учитывая сформировавшийся со временем принцип политкорректности в США, на сегодняшний день формы межкультурного диалога ограничены в отношении Другого. Сегодня в США китайский этнос уже не отделен от американцев строгой культурной дистанцией, наоборот, китайцы активно взаимодействуют с ними. Подобный «разлом» в межкультурном диалоге китайцев и американцев постепенно стирался в сознании двух народов, меняя в процессе этих контактов свою культуру, идентичность, повседневную жизнь. На современном этапе культурная гибридность китайского квартала формируется за счет американской мультикультурной модели.

Учитывая тот факт, что культурная гибридность Чайнатауна – функционирующий феномен настоящего, последствия которого работают уже сегодня, можно уверенно говорить, что описанные выше процессы будут продолжаться и формирование новых культурных образований будет происходить в будущем. И именно этот факт делает культурную гибридность исключительным явлением в истории.

Список источников

1. Дараган Н. Я., Кулакова Н. Н. Роль внешней и внутренней миграции в формировании населения и культуры городов США // Очерки по культурной антропологии американского города / отв. ред. Э. Л. Нитобург, В. А. Тишков. М.: Наука, 1997. С. 11-20.
2. Романова А. П., Хлышева Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность. М.: РОССПЭН, 2013. 215 с.
3. Скрозникова В. А. Сан-Франциско: этническая мозаика // Очерки по культурной антропологии американского города / отв. ред. Э. Л. Нитобург, В. А. Тишков. М.: Наука, 1997. С. 96-118.
4. Якушенков С. Н. Из-за леса, из-за гор показал мужик топор: лимерик и небыллицы как колониальная рефлексия // Гуманитарные исследования. 2016. № 4 (60). С. 91-99.
5. Якушенков С. Н. Культурные процессы в гетеротопных пространствах (на примере Нижнего Поволжья) // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность: Российская научная конференция с международным участием / отв. ред. А. Н. Команджаев. Элиста: ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», 2016. С. 419-422.
6. Якушенков С. Н. Топофилия vs топофобия как когнитивные парадигмы фронтального пространства // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3 (44). С. 261-266.
7. Якушенков С. Н., Романова А. П., Якушенкова О. С. «Гляжусь в тебя, как в зеркало, до головокружения», или Протообразы тела Чужого в российском дискурсе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 1 (26). С. 189-195.
8. Якушенков С. Н., Сун Цзе. Культурная безопасность и факторы развития национальной алиментарной культуры // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 4 (45). С. 247-253.
9. Якушенков С. Н., Якушенкова О. С. «Власть земли»: формирование новой инаковости в условиях фронта // Журнал фронтальных исследований. 2016. № 1. С. 5-21.
10. Якушенкова О. С. Азиат как Чужой: несколько кейсов из американской истории // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (74). Ч. 1. С. 210-213.
11. Bernard Wong P. Globalization and localization of the Chinese diaspora in the USA // Routledge Handbook of the Chinese Diaspora / ed. by Tan Chee-Beng. Abingdon – N. Y.: Routledge Taylor & Francis Group, 2013. P. 290-309.
12. Bernard Wong P., Tan Chee-Beng. Chinatowns around the World: Gilded Ghetto, Ethnopolis, and Cultural Diaspora. Leiden – Boston: Brill, 2013. 306 p.
13. Bhabha Homi K. The Location of Culture. L. – N. Y.: Routledge, 1994. 408 p.
14. Burke P. A Case of Cultural Hybridity: The European Renaissance [Электронный ресурс]. URL: https://www.eth.mpg.de/3790199/Goody_Lecture_2012.pdf (дата обращения: 26.05.2020).
15. Burke P. Cultural Hybridity. Cambridge: Polity Press, 2009. 130 p.
16. Chang I. The Chinese in America: A Narrative History. L.: Penguin Books, 2004. 544 p.
17. Coates P. American Perceptions of Immigrant and Invasive Species. Strangers on the Land. Berkeley: University of California Press, 2006. 256 p.
18. Coppel Charles A. Diaspora and hybridity: Peranakan Chinese culture in Indonesia [Электронный ресурс] // Routledge Handbook of the Chinese Diaspora. Routledge Taylor & Francis Group, 2013. URL: <https://findanexpert.unimelb.edu.au/scholarlywork/498373-diaspora-and-hybridity--peranakan-chinese-culture-in-indonesia> (дата обращения: 26.05.2020).
19. Crowder L. S. Chinese Funerals in San Francisco Chinatown: American Chinese Expressions in Mortuary Ritual // The Journal of American Folklore. 2000. Vol. 113. № 450. P. 451-463.
20. Garrett C. H. Chinatown, Whose Chinatown? Defining America's Borders with Musical Orientalism // Journal of the American Musicological Society. 2004. Vol. 57. № 1. P. 119-174.
21. Guan J., Knottnerus David J. Chinatown under siege: Community protest and structural ritualization theory // Humboldt Journal of Social Relations. 2006. Vol. 30. № 1. P. 5-52.
22. Guest Kenneth J. From Mott Street to East Broadway: Fuzhouese Immigrants and the Revitalization of New York's Chinatown // Chinatowns around the World: Gilded Ghetto, Ethnopolis, and Cultural Diaspora / ed. by Bernard P. Wong and Tan Chee-Beng. Leiden: Brill, 2013. P. 35-54.
23. Laguerre Michel S. The Global Ethnopolis. Chinatown, Japantown and Manilatown in American Society. N. Y.: Palgrave; University of California at Berkeley, 2000. 199 p.

24. **Laguerre Michel S.** The Globalization of a Panethnopolis: Richmond District as the New Chinatown in San Francisco // Springer. 2016. Vol. 64. № 1. P. 41-49.
25. **Li Peter S., Li Xiaoling E.** The Chinese overseas population // Routledge Handbook of the Chinese Diaspora / ed. by Tan Chee-Beng. Abingdon – N. Y.: Routledge Taylor & Francis Group, 2013. P. 15-28.
26. **Nonini Donald M.** A Companion to Urban Anthropology. Chichester: John Wiley & Sons, Ltd., 2014. 533 p.
27. **Shaw Steven A.** Asian Dining Rules: Essential Strategies for Eating Out at Japanese, Chinese, Southeast Asian, Korean, and Indian Restaurants. N. Y.: Harper Collins, 2008. 276 p.
28. **Xu W.** US immigration laws and Chinese American literature // Routledge Handbook of the Chinese Diaspora / ed. by Tan Chee-Beng. Abingdon – N. Y.: Routledge Taylor & Francis Group, 2013. P. 475-489.
29. **Yang Philip Q.** Transformations of the Chinese immigrant community in America // Routledge Handbook of the Chinese Diaspora / ed. by Tan Chee-Beng. Abingdon – N. Y.: Routledge Taylor & Francis Group, 2013. P. 122-140.
30. **Young Robert J. C.** Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race. L. – N. Y.: Routledge, 1995. 230 p.
31. **Yuan D. Y.** Chinatown and Beyond: The Chinese Population in Metropolitan New York // Phylon. 1996. Vol. 27. № 4. P. 321-332.

Cultural Hybridity and Diaspora in the Context of the Chinese and American History (by the Example of the USA Chinatown Area)

Meshcheryakov Aleksandr Yur'evich

Antropov Oleg Konstantinovich, Ph. D. in History, Associate Professor

Astrakhan State University

daomesheryakov@gmail.com; olegantropov1@gmail.com

The article considers the problem of cultural hybridity in the USA Chinatown. The paper aims to trace manifestation of cultural hybridity in the USA history by the example of Chinatown area. Scientific originality of the study lies in the fact that for the first time in the domestic historical science the history of the USA Chinatown is analysed from the viewpoint of the post-colonial theory. The findings indicate that Chinatown hybrid area located “in-between” cultures and civilizations, far away from the Chinese ethnos’s habitual residence, contributed to its otherness, formed identity of its population, gave birth to new cultural formations, transformed it into a locus of the Other/Outsider.

Key words and phrases: Chinatown; cultural hybridity; cultural encounters; Other/Outsider; China; The USA; post-colonialism; diaspora; Huáqiáo; immigration; hybrid identity; Chinese cuisine.